

**Письма М. А. Бакунина к А.
И. Герцену и Н. П. Огареву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П35

П35 Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 678 с.

ISBN 978-5-518-00519-8

ISBN 978-5-518-00519-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Мы врядъ-ли должны объяснять читателямъ какъ запоздавшій выходъ этой книги *), такъ и многія несовершенства ея редакціи и корректуры. Отъ 1-ой до 512 стр. она печаталась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ М. П. Драгоманова, но это было въ тѣ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда, чувствуя близость роковаго исхода своей болѣзни, онъ торопился кончать очень многое и не могъ уже работать по прежнему. Введеніе (стр. I—CVII) и Добавленія (отъ 513 стр. до конца) печатались уже послѣ смерти М. П. по черновымъ его рукописямъ, далеко не отчетливымъ, не перенумерованнымъ и несомнѣнно очень нуждавшимся въ литературной отдѣлкѣ. Лица, которымъ пришлось взять на себя окончаніе этого изданія, не всегда могли рѣшиться даже на чисто стилистическія измѣненія и еще болѣе не всегда имѣли возможность провѣрить ссылки и вѣрность перевода въ дополненіяхъ. Предлагая читателямъ это изданіе въ его настоящемъ видѣ, они надѣются, что содержаніе его вполнѣ выкупить его техническіе недостатки.

*) Она выходитъ послѣ появленія ея нѣмецкаго и французскаго переводовъ, очень впрочемъ неполныхъ и сдѣланныхъ (особенно Введеніе) съ первыхъ черновыхъ листовъ, предоставленныхъ М. П. Драгомановымъ переводчикамъ.

Историческое значеніе изданія писемъ Бакунина достаточно указано въ Введеніи и мы съ своей стороны позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ о томъ, что въ этой книжкѣ принадлежитъ самому М. П. Драгоманову. Составленный имъ очеркъ жизни и дѣятельности Бакунина представляетъ собой послѣднюю изъ его работъ посвященныхъ, какъ онъ часто выражался, „общерусскимъ“ интересамъ, т. е. такимъ, которые, будучи въ то-же время интересами его родины-Украины, касались слишкомъ близко всей Россіи, какъ государства и какъ культурной среды. Этого рода работамъ, не смотря на недовольство нѣкоторыхъ изъ его соотечественниковъ, слишкомъ можетъ быть ревниво относившихся къ своей странѣ, покойный Мих. Петр. давалъ очень много значенія и всегда настаивалъ на ихъ необходимости. Такими его работами были статьи „Восточная политика Германіи и обрусѣніе“, „Турки внутренніе и внѣшніе“, „До чего довоевались“, „Историческая Польша и великорусская демократія“, почти всѣ статьи въ „Вольномъ Словѣ“, „Вольный Союзъ“, изданіе писемъ Кавелина и Тургенева къ Герцену, „Старые вопросы передъ новымъ царемъ“ и пр. Въ большей части изъ нихъ ученый въ Михаилѣ Петровичѣ бралъ перевѣсъ надъ публицистомъ и вмѣсто политической статьи у него часто выходило историческое изслѣдованіе. Въ значительной степени этого рода характеромъ отличается и его „Введеніе“ къ настоящей книгѣ. Главной задачей этого „Введенія“ было освѣщеніе личности Бакунина, какъ политическаго дѣятеля и М. П. позаботился прежде всего объ этомъ освѣщеніи со стороны чисто *фактической*. Для этого ему пришлось пересмотрѣть всю относящуюся сюда политическую литературу, 40-хъ—70-хъ годовъ, воспоминанія различныхъ лицъ,

имѣвшихъ сношенія съ Бакунинымъ и т. п., наконецъ собрать по возможности печатныя произведенія самого Бакунина, что было вовсе не такъ легко, принимая во вниманіе почти исключительно агитаціонный характеръ всего, что онъ писалъ. Располагая этимъ, собраннымъ съ большимъ трудомъ, фактическимъ матеріаломъ, М. П. прослѣдилъ весь ходъ развитія идей и дѣятельности Бакунина, начиная съ его гегеліанства въ Берлинѣ и кончая его сношеніями съ Нечаевымъ и разрывомъ съ самыми близкими единомышленниками-революціонерами, наканунѣ смерти. Въ результатѣ получился очень серьезный историческій этюдъ, затрогивающій массу личностей и событій, освѣщающій цѣлую эпоху въ исторіи развитія какъ русскихъ такъ и европейскихъ политическихъ движеній, объ интересѣ котораго могутъ судить сами читатели. Въ оцѣнкѣ личности и политической дѣятельности Бакунина, М. П. является тѣмъ же историкомъ, какъ и въ собираніи и группировкѣ матеріала. Будучи слишкомъ далекъ отъ идеализаціи Бакунина въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ очень сдержанъ и во всемъ что касается отрицательныхъ сторонъ этой крупной личности. Но стараясь объяснить появленіе у него той или другой идеи, или совершеніе имъ того или другаго поступка, М. П. указываетъ съ большою тщательностью на общія условія его воспитанія, жизни и среды. Онъ подчеркиваетъ отсутствіе у Бакунина и многихъ другихъ всякаго политическаго образованія, самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній, самыхъ элементарныхъ понятій о славянскомъ мірѣ, полный недостатокъ объективности при опредѣленіи необходимости или возможности извѣстныхъ дѣйствій, постепенное развитіе неразборчивости въ средствахъ и т. д., и т. д., словомъ, подчеркиваетъ все то, на что отчасти

указывалъ уже Герценъ и на что не переставалъ указывать самъ М. П. въ теченіи всей своей политической и публицистической дѣятельности, особенно „общерусской“. Эта строгость отношенія къ политическимъ вопросамъ, это постоянное требованіе сознательности въ стремленіяхъ и объективности въ цѣляхъ, это безусловное требованіе безупречной чистоты въ средствахъ — создали Драгоманову немало враговъ даже тамъ, гдѣ ихъ меньше всего слѣдовало бы ожидать, но это-же, по нашему мнѣнію, составляетъ и наиболѣе характерную и наиболѣе плодотворную сторону его собственной дѣятельности. Если Драгомановъ не внесъ въ русско-славянское политическое движеніе блестящаго таланта Герцена или безконечной энергіи Бакунина, то ему принадлежитъ не малая во всякомъ случаѣ заслуга введенія въ него большей степени *критики*, а слѣдовательно и сознательности.

Друзья покойнаго М. П. Драгоманова, оканчивая изданіе этой послѣдней его работы, удовлетворяютъ этимъ и своей внутренней потребности почтить память того съ кѣмъ они были связаны чувствами личной симпатіи и привязанности. Это послѣдняя личная услуга, какую они могутъ оказать своему такъ преждевременно угасшему другу.

Ө. В.

ВВЕДЕНІЕ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Бакунина.

М. (Бакунинъ) во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки, — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа.

Изъ письма Бѣлинскаго, 7 Ноября 1842г.

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на полезность результатовъ дѣятельности М. А. Бакунина, всякій долженъ согласиться, что это былъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ людей. Къ тому же дѣятельность его направлялась не только на Россію; это былъ одинъ изъ немногихъ русскихъ, который имѣлъ вліяніе и на ходъ извѣстныхъ дѣлъ во всей Европѣ. По этому нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣятельность столь замѣчательнаго человѣка такъ мало до сихъ поръ выяснена, не смотря на то, что прошло почти 20 лѣтъ со времени его смерти и на то, что, при жизни, онъ имѣлъ такъ много друзей и послѣдователей.

Бакунинъ оставилъ по себѣ нѣсколько печатныхъ сочиненій и много рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны его друзьями. Но и эти матеріалы, даже помимо ихъ отрывочности, очень недостаточны для его характеристики. Писательство не было сильнѣйшею стороною дѣятельности Бакунина. Онъ былъ прежде всего ораторъ и агитаторъ. Поэтому, послѣ рѣчей его и разговоровъ, наиважнѣйшими памятниками его дѣятельности должны служить

его письма. Разговоры Бакунина должны бы воспроизвести мемуары его друзей и послѣдователей, — а письма должны бы быть собраны въ возможно большемъ количествѣ. Но ни того, ни другаго почти не сдѣлано до сихъ поръ.

Наше изданіе имѣеть цѣлью, хотя отчасти, пополнить этотъ пробѣлъ. Мы печатаемъ письма Бакунина къ А. И. Герцену, Огареву и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, а также нѣкоторыя другія его писанія, — документы, которые преимущественно относятся къ участию Бакунина въ русскихъ дѣлахъ и отчасти въ польскихъ. Всѣ эти документы довольно отрывочны и даже не всегда ясны для насъ, который никогда не зналъ лично Бакунина и не принадлежалъ къ числу его единомышленниковъ. Но мы смотримъ на наше изданіе какъ на опытъ, который долженъ быть дополненъ и объясненъ дальнѣйшими публикаціями со стороны тѣхъ, кто имѣеть въ рукахъ другіе подобные матеріалы или кто зналъ лично Бакунина, и потому не останавливаемся ни передъ отрывочностью печатаемыхъ нами матеріаловъ, ни передъ крупными пробѣлами въ существеннѣйшихъ точкахъ біографіи Бакунина.

Самымъ крупнымъ пробѣломъ является періодъ перваго пребыванія Бакунина за границей, съ 1840 г. Больше извѣстно за это время его участіе въ Пражскомъ съѣздѣ Славянъ 1848 г. и потомъ въ Дрезденской революціи 1849 г., но и то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторія же внутренняго процесса, какимъ консервативный гегелианецъ, увлекшій Бѣлинскаго до написанія статей, преклонявшихся передъ «разумностію дѣйствительности» русской временъ Николая I, сдѣлался социалистомъ и горячимъ революціонеромъ, совѣмъ не извѣстна. Не извѣстенъ также и процессъ, какимъ дошелъ Бакунинъ отъ интересовъ нѣмецкой абстрактной философіи къ социально-революціонному славянофильству, которое такъ рѣшительно проявилось въ его участіи въ Пражскомъ съѣздѣ. Первый процессъ едва можно прослѣдить по статьямъ Бакунина въ *Jahrbücher Ruge*, а о второмъ извѣстно еще меньше. Едва слабые намеки можно найти въ извѣстныхъ доселѣ письмахъ нѣкоторыхъ современниковъ и самого Бакунина. Да и о самомъ участіи Бакунина въ Пражскомъ съѣздѣ извѣстно мало, такъ какъ протоколы съѣзда не напечатаны.

Чтобъ пополнить, по возможности, эти пробѣлы необходимо было бы выбрать по крайней мѣрѣ изъ современныхъ газетъ извѣстія о Бакунинѣ, опросить немногихъ остающихся еще въ живыхъ свидѣтелей тогдашнихъ событій, а особенно собрать тогдашнія письма самого Бакунина и его друзей и поискать въ архивахъ, особенно въ Прагѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ, официальныхъ свѣдѣній о тогдашней дѣятельности Бакунина.

Обстоятельства не позволяютъ намъ предпринять подобный трудъ, — а потому мы должны отказаться отъ мысли дать здѣсь сколько нибудь полную, хотя бы и сжатую біографію Бакунина, а даемъ лишь его *curriculum vitae*, вставляя въ него извѣстные намъ біографическіе матеріалы. При этомъ мы должны оговориться, что печатныя біографическія показанія о Бакунинѣ, которыя намъ приходится приводить, принадлежатъ чаще людямъ, къ нему нерасположеннымъ, нежели его друзьямъ, а потому, тѣмъ болѣе, друзья его должны бы были протъпоставить имъ показанія съ своей точки зрѣнія.

Самое обстоятельное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое характерное изъ всего, печатаннаго о Бакунинѣ, это воспоминанія о немъ А. И. Герцена, особенно статья «М. Б. и польское дѣло» въ «Сборникѣ посмертныхъ сочиненій». Послѣдователи Бакунина видѣли въ этой статьѣ карриатуру, а самъ Бакунинъ называлъ ее пасквилемъ (см. въ письмахъ №№ СШ, СІV). Но сильныя и симпатическія стороны характера и дѣятельности Бакунина достаточно горячо выставлены въ этой статьѣ, хотя въ ней не скрыты и недостатки его, которые, какъ почти всегда бываетъ въ жизни, были *les défauts des qualités*. При томъ же все, что говорилъ Герценъ о Бакунинѣ обильно подтверждается документами, между прочимъ, и теперь печатаемыми письмами. Еслибъ мы захотѣли дѣлать характеристику Бакунина, намъ пришлось бы перепечатать всю упомянутую статью Герцена. Но мы этого не сдѣлаемъ, а имѣя въ виду главнымъ образомъ уясненіе политической дѣятельности Бакунина, остановимся лишь на главныхъ чертахъ его психологій, которыя опредѣлили эту дѣятельность, при чемъ ограничимся только показаніемъ генезы этихъ чертъ по мѣрѣ того, какъ онѣ рельефно выступаютъ въ его біографіи.

На основаніи всего извѣстнаго намъ до сихъ поръ о Бакунинѣ, природа личности его представляется намъ въ слѣ-

дующемъ видѣ: большая активность и подвижная энергія, большой талантъ ораторскій и способность привлекать и увлекать людей, хотя и не на долго*), — умъ быстрый, послѣдовательный, хотя и мало самостоятельный, и не глубокий, не изобрѣтательный и не наблюдательный, способный больше схватывать готовые мысли и доводить ихъ до крайности, чѣмъ творить ихъ, неспособный въ одно время охватывать разныя стороны предмета и не увлекаться одною стороною, часто субъективно преувеличенною**); въ концѣ всего, способность увлекаться самому чужою личностію особенно энергическою. Въ политикѣ эти свойства должны были сдѣлать изъ Бакунина самаго крайняго застрѣльщика почти партизана, но вовсе не главнокомандующаго. Въ довершеніе, воспитаніе и жизнь въ молодости должны были скорѣе усилить слабыя стороны природы Бакунина, чѣмъ выравнять его способности. Довольно будетъ вспомнить хоть то, что въ школѣ Бакунинъ готовился быть артиллеристомъ, а послѣ онъ самъ, бросивъ артиллерію, готовился стать профессоромъ философіи, а сталъ политическимъ агитаторомъ. Последняя спеціализація не сопровождалась у него сколько-нибудь глубокими изученіями исторіи и политики; но крайней мѣрѣ даже одно изъ позднѣйшихъ сочиненій его, — «L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale» (Genève, 1871) поражаетъ промахами даже противъ элементарныхъ свѣдѣній по исторіи, а подѣ конецъ жизни своей онъ «учился» по такому элементарному сочиненію, какъ Кольба — «Культурная исторія человѣчества».

*) Почти всѣ друзья Бакунина кончали тѣмъ, что расходились съ нимъ.

**) По разсказамъ знавшихъ Бакунина, это былъ человѣкъ въ личныхъ отношеніяхъ очень наблюдательный и обладавшій даже мѣткимъ юморомъ личныхъ характеристикъ. Да это видно и по письмамъ его. Но какъ только дѣло доходило до общественныхъ явленій, то, какъ показываютъ тѣ же письма его, Бакунинъ начиналъ видѣть не то, что было, а то, что ему хотѣлось и при томъ въ рисунокъ схематическомъ, а вовсе не реальномъ. Эти особенности встрѣчаются довольно часто именно у русскихъ и объясняются, почему рѣдко кто столь претендуетъ на реализмъ ума, «здравый толкъ» и т. п. какъ русскіе, и рѣдко кто такъ охотно не тонетъ въ абстракціяхъ, схематизмъ, иллюзіяхъ и мистицизмъ.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. въ Торжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ старинномъ и довольно состоятельномъ, а вмѣстѣ очень образованномъ семействѣ, которое жило въ селѣ Прямухино. (Подробности объ этомъ семействѣ см. въ книгахъ Анненкова — о Н. Станкевичѣ и г. Пыпина о Бѣлинскомъ). На 20-мъ году М. А. былъ помѣщенъ въ Артиллерійскую школу въ Петербургѣ, въ которой учился хорошо, но почему то былъ выпущенъ изъ нея не въ гвардію, а въ армію, имѣя 21 годъ отъ роду. Квартирюя съ полкомъ въ деревнѣ, Бакунинъ сильно скучалъ, проводилъ большую часть дня, лежа въ кровати, въ халатѣ, — скоро вышелъ въ отставку и жилъ то въ деревнѣ Прямухино у отца, то въ Москвѣ. Здѣсь уже въ 1835 г. онъ познакомился съ извѣстнымъ Н. Станкевичемъ, вошелъ въ его кружокъ и вслѣдъ за нимъ увлекся нѣмецкой философійю. Въ 1836 г. Бакунинъ далъ для напечатанія въ «Телескопѣ», журналѣ, редакторъ котораго, Надеждинъ, предоставилъ его въ распоряженіе Бѣлинскому и друзьямъ его, по кружку Станкевича, переводъ Фихте «Лекціи о назначеніи ученыхъ». Съ выѣздомъ Станкевича на Кавказъ, а потомъ за границу, гдѣ онъ скоро и умеръ, — Бакунинъ сталъ главою философскихъ студій въ кружкѣ. Съ 1837 г. онъ изучалъ и пропагандировалъ особенно философію Гегеля, — при чемъ довелъ Гегелево признаніе «разумности дѣйствительности» до крайняго консерватизма съ полнымъ оправданіемъ «николаевской» дѣйствительности въ Россіи. Въ своихъ статьяхъ, печатаемыхъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», поступившаго, послѣ закрытія «Телескопа», въ руки Бѣлинскаго и его друзей, Бакунинъ говорилъ на этотъ счетъ въ общихъ выраженіяхъ, но болѣе горячій Бѣлинскій, котораго особенно посвящалъ въ гегелианство Бакунинъ, дошелъ въ своемъ консерватизмѣ и «французодѣствѣ» до «неистовствъ», которыя возмутили всѣхъ, сколько нибудь либеральныхъ читателей въ Россіи. (Ст. «О бородинской годовщинѣ» и др. въ «Отеч. Запискахъ 1839»; — см. Пыпина, Бѣлинскій, I, 307 и слѣд.).

Но еще подчиняясь философскому направленію Бакунина, Бѣлинскій скоро сталъ расходиться съ нимъ лично и дошелъ, наконецъ, до весьма враждебнаго къ нему отношенія. Въ письмахъ Бѣлинскаго причинами разлада выставляется властолюбіе Бакунина, высокопарность и вмѣпательство въ

интимныя, сердечныя и мелкія дѣла и даже привычки друзей. Бѣлинскій говорилъ о Бакунинѣ, что «онъ любитъ идеи, а не людей». Въ 1839 г. первый писалъ Станкевичу: «съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковы бы я ни былъ, но я самъ по себѣ, что ругать себя и влнаться другимъ глупо и смѣшно, что у всякого свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну». Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ: «я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ *bon vivant et bon samarite* и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ». (С. Невѣдѣнскаго. Катковъ и его время, 22. Въ книгѣ г. Пышина о Бѣлинскомъ часто говорится о размолвкахъ Бѣлинскаго съ Бакуниннымъ, но мало приводится детальныя выписки и писемъ объ этомъ).

Впрочемъ Бакунинъ провожалъ, вмѣстѣ съ Катковымъ и Кетчеромъ, Бѣлинскаго до Черной Грязи, когда тотъ съ Панаевымъ уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и продолжалъ вліять на флософско-религіозныя идеи Бѣлинскаго. «Когда карета двинулась, вспоминаетъ Панаевъ, и мы выдвинулись въ окно, Бакунинъ съ пѣжной грустью смотрѣлъ на насъ, Кетчеръ кричалъ что-то и размахивалъ фуражкой, Катковъ стоялъ неподвижно со сложенными на крестъ руками, съ на-двинутыми на глаза бровями, провожая отъѣзжающихъ глубокимъ и задумчивымъ взглядомъ». Вскорѣ потомъ (въ началѣ 1840 г.) Бѣлинскій писалъ Боткину: «мысли мои объ *Unsterblichkeit* (безсмертіи) снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству, Мишель (Бакунинъ) много тутъ участвовалъ» (И. Панаевъ, Литер. Воспоминанія, 260, Невѣдѣнскаго, op. cit. 48, 58).